

ников королевства. Так смотрите. Вот он перед вами – тот, кто совершил столь необходимое очищение. Это я, господа, это я; признаюсь, я отомстил за обиду, нанесенную моему отцу и сеньору, за рабство и закабаление его государства, ибо я истинный наследник королевского престола и ваш законный король. Я один исполнил долг, который был и вашим долгом; я один совершил подвиг, в котором по справедливости вам следовало быть мне помощниками. Да будет так. Я верю в вашу преданность покойному Хорввендилу; верю, что память о его доблестном правлении не изгладилась из ваших сердец; если бы я призвал вас на помощь, вы бы не отказали в поддержке и средствах вашему природному сеньору. Но я хотел сам, собственными руками совершить суд. Я полагал, что это доброе дело – покарать злодея, не ставя под угрозу жизнь своих друзей и честных граждан; я не желал подставлять под топор палача ваши головы и предпочитал единолично нести бремя долга, ибо сознавал, что мне одному оно по силам. Я не хотел подвергнуть опасности чужую жизнь и испортить ненужной гласностью замысел, который ныне так счастливо претворил в жизнь. Я обратил в пепел изменников-царедворцев, сообщников тирана, но еще не предал огню останки Фангона. Вы сами должны назначить ему достойную кару. Вот перед вами его мертвое тело, эта гнусная падаля, и раз при жизни он не дался вам в руки, раз вы не смогли выместить ваш гнев на живом злодее, – покарайте останки того, кто жирел за ваш счет и лил кровь ваших братьев и родичей. Смелей же, друзья, сложите костер для короля-узурпатора, предайте пламени презренное тело, спалите в огне похотливые члены и развеите по ветру пепел этого врага людей, а потом разметите на все стороны света искры костра, дабы ни серебряная урна, ни хрустальный кубок, ни честная могила не дали последнего приюта праху столь мерзкого злодея. Пусть на земле не останется следа от братоубийцы, пусть ни единая частица этой плоти не осквернит датскую землю, чтобы сопредельные страны не заразились его мерзостью, а наша Дания очистилась бы от смрада преступления. Я исполнил свой долг, вручив вам убитого злодея. Довершите же начатое, скрепите своей рукой то, что входило в обязанность вашей службы. Так и следует воздавать царям-извергам, так хоронят тиранов, братоубийц и захватчиков чужого трона и ложа. Кто отнял свободу у своей родины, тому родная земля отказывает в последнем пристанище. О добрые мои друзья, все вы знаете, сколь великое зло я претерпел, какие изведаль муки, какое познал поношение с тех пор, как умер мой истинный король и господин, ибо все это вы видели своими глазами и понимали умом, когда сам я, несмышлениш, еще неспособен был осознать всю безмерность нанесенного мне оскорбления. Зачем же я стану рассказывать вам об этом? Какая польза от такой исповеди, коли вы сами все видели и знали и от гнева и горя кусали себе пальцы, видя мою беду; и проклинали злую судьбу, так жестоко гнавшую королевское дитя, хотя, правду сказать, ни один из вас даже глазом не моргнул. Вы знали, что отчим искал моей головы и не раз пытался привести свой замысел в исполнение, что я был брошен на произвол судьбы королевой, моей матерью, осмеян друзьями, презрен подданными. Доныне я влачил полные скорби дни, лицо мое не просыхало от слез, каждый миг моей жизни был отравлен страхом и подозрением, и я ежеминутно ждал, что острый меч покончит разом и с жизнью моей, и с моими горестями. Сколько раз, бродя по замку в образе безумца, я слышал, как вы сокрушались о моей участи, втайне сострадая обездоленному принцу, за которого некому вступиться; некому отомстить за убийство его отца, покарать кровосмесителя-дядю, отчима-убийцу. Но ваше сострадание вливало в меня новые силы; ваши пени и сетования открывали мне честность вашего духа, ибо вы скорбели о бедах своего принца и запечатлели в сердце жажду справедливости и мести за смерть того, кто заслуживал долгой и счастливой жизни.

Есть ли на свете столь черствое сердце, столь суровый, холодный и беспощадный ум, которые бы не смягчились при воспоминании о перенесенных мною обидах, страданиях, тревогах и не пожалели бы ребенка-сироту, покинутого всеми до одного? Есть ли глаза, настолько сухие и забывшие о слезах, чтобы они не увлажнились при виде несчастного принца, униженного в собственном доме, преданного своей матерью, ненавидимого деспотом-дядей и столь безжалостно гонимого, что даже простой народ не смеет открыто плакать о его участи? О господа, вы не откажете в сочувствии тому, кого в детские годы сами пестовали и кормили своими руками; не верю, что сердце ваше глухо к моим детским страданиям. Я говорю с вами, потому что вы невиновны в измене и не запятнали ни рук своих, ни мыслей кровью доблестного Хорввендила. Будьте милосердны к королеве, вашей госпоже, а моей любезной матери, терпевшей насилие от тирана, и радуйтесь, что ныне исчез и уничтожен виновник ее позора, негодяй, вынудивший ее покинуть собственное дитя, более того – ласкать убийцу любимого супруга. Он загрязнил ее двойным клей-